

УДК 343.21:343.9

## НЕКОТОРЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*К.И. Джаянбаев*

На основе анализа нового Уголовного кодекса и Кодекса о проступках описывается необходимость учета криминологических данных о состоянии преступности. Современные проблемы таких исследований в этом плане должны выстраиваться с учетом разделения законодательства на преступления, уголовные проступки и нарушения. Проанализированы с криминологических позиций отказ от таких институтов уголовного права как рецидив и административная преюдиция.

*Ключевые слова:* криминологическое обоснование; уголовная политика; Уголовный кодекс; уголовный проступок; нарушение, рецидив преступления; особо опасный рецидивист, административная преюдиция.

## ЖАЗЫК МЫЙЗАМДАРЫН ӨРКҮНДӨТҮҮНҮН АЙРЫМ КРИМИНОЛОГИЯЛЫК МАСЕЛЕЛЕРИ

*К.И. Джаянбаев*

Бул макалада жаңы Жазык кодексине жана Жоруктар жөнүндө кодекске талдоо жүргүзүүнүн негизинде кылмыштуулуктун абалы жөнүндө криминологиялык маалыматтарды эсепке алуунун зарылдыгы сыпатталат. Мындай изилдөөлөрдүн азыркы маселелери мыйзамдардын кылмыштарга, жоруктарга жана бузууларга бөлүнүшүн эске алуу менен түзүлүшү зарыл. Жазык укугунун рецидив жана административдик преюдиция сыяктуу институттарынан баш тартуу криминологиялык өңүттөн талданды.

*Түйүндүү сөздөр:* криминологиялык негиздөө; жазык саясаты; Жазык кодекс; жазык жоругу; бузуу; кылмыштын рецидив; өзгөчө кооптуу рецидивист; административдик преюдиция.

## CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION

*K.I. Dzhayanbaev*

This scientific article based on the analysis of the new Criminal Code and the Code of Offenses, describes the need to take into account criminological data on the state of crime. Modern problems of such studies in this regard should be built taking into account the division of legislation into crimes, criminal offenses and violations. The rejection of such institutions of criminal law as recidivism and administrative prejudice is analyzed from the criminological standpoint.

*Keywords:* criminological rationale; criminal policy; Criminal Code; criminal offense; violation, recidivism; especially dangerous repeat offender, administrative prejudice.

Как известно, смена формации в Кыргызстане продиктовала и необходимость смены уголовной политики страны, а связано это с тем, что появились новые тенденции преступности. Исследователями в прошлом справедливо отмечалось, что при разработке концепции реформы уголовного законодательства, прежде всего, требуется “исходить из криминологических данных о динамике преступности и конкретных преступлений, о тенденция

структурных изменениях преступности”. Иными словами, изменения в уголовном законодательстве необходимо криминологически обосновать.

За преступностью и ее изменениями просматривается сложный причинный комплекс, в котором все большую роль играло то, что на фоне неблагоприятных изменений криминальной ситуации оказывалось все более неадекватным состояние борьбы с преступностью, в том числе ее законо-

дательной базы. Эти условия потребовали переосмысления сути уголовной политики и выработки приемлемых мер ее противодействию.

Политика начала 1990-х годов, направленная на развал системы учета преступлений, нелогичность в разработке законодательства, несогласованность между различными законодательными актами, частота изменений действующих законов, нечеткость формулировок норм законодательных актов и многое другое, привели к кризису уголовной политики государства. В этих условиях возникла потребность создания более адаптированных к существующим реалиям правовых механизмов борьбы с преступными проявлениями.

Сегодня в Кыргызстане в результате реформирования уголовного законодательства была выстроена следующая “лесенка” законов:

- Уголовный кодекс.
- Кодекс о проступках.
- Кодекс о нарушениях.

Таким образом, была сформирована трехчленная классификация уголовных деяний: преступление – уголовный проступок – нарушение.

Некоторые отечественные юристы выражают свое несогласие с термином “уголовный проступок”. Поясняем, что деяния, включаемые в понятие “уголовные проступки”, “...оставаясь в целом преступлениями, носят как бы полупреступный характер. Слово “уголовный” означает, что речь идет о преступном деянии, а слово “проступок” означает, что эти деяния близки к антиобщественным проступкам – аморальным, дисциплинарным, административным и гражданским” [1, с. 149].

Уголовные проступки – это все же преступления, но преступления небольшой тяжести. Выделение их из Уголовного кодекса – скорее дело техники. Скажем, казахстанский законодатель разместил их не в отдельном законодательном акте, как это сделано в Кыргызстане, а в самом Кодексе, объединяя преступление и проступок в такое понятие, как уголовное правонарушение.

По нашим данным, более 70 % научных сотрудников и практических работников поддержали принятие Кодекса о проступках. По статистике удельный вес уголовно наказуемых деяний по сравнению с массивом нарушений (ранее их называли административными проступками) крайне мал. Уголовные проступки будут отражать только ту часть преступных деяний, которые в действительности не представляют большую опасность и менее вредны, чем преступления. Однако, в свою очередь, они более опасны нежели нарушения.

Все вышесказанное повлекло за собой разрушение ряда институтов уголовного законодатель-

ства. В том числе так называемой административной преюдиции.

Следует заметить, что дискуссия о допустимости использования административной преюдиции велась и в советский период развития уголовного права, но особенно она обострилась накануне принятия нового Уголовного кодекса. Принятый Уголовный кодекс КР 2019 г. уже не содержит составов с административной преюдицией. Научно обоснованная критика концепции административной преюдиции привела к исключению данного приема законодательной техники из уголовного права. Это позволило освободить Уголовный кодекс от малозначительных преступлений, поднять общую планку отграничения уголовно наказуемых деяний от прочих правонарушений.

Противники уже принятой и действующей новой уголовно-правовой системы увидели в ней не только “западный подход”, но и “продолжение геополитики”. Такая правовая система, по их мнению, может “вообще разрушить государственные устои”, толкает нас “на вечное попрошайничество”. Что имелось в виду, пусть останется на совести этих демагогов.

Дело в том, что континентальная и англо-саксонская правовые системы все преступные деяния делят на нарушения, проступки и преступления в зависимости от меры и формы государственного принуждения. У нас же нарушения и проступки включены в сферу уголовно-правовой системы. Часть деяний перенесены из административно-правовой системы. И это правильно, поскольку разрешение этих конфликтов никакого отношения к управлению обществом через администрирование не имеет. Подобное положение должно повысить общую превенцию преступности, в целом, поскольку должны быть единые, системные меры предупреждения деяний, по сути, являющихся уголовно-правовыми.

Известно, что континентальная и англо-саксонская правовые системы успешно противостоят борьбе с преступностью, в том числе и организованной, корпоративной беловоротничковой в своих странах. Речь, конечно, не идет о слепом копировании, но неправильным является и полное игнорирование зарубежного опыта борьбы с преступностью и зарубежного законодательства. Было бы совершенно нелепо, если бы мы сейчас не учитывали как положительный, так и отрицательный опыт, накопленный в этих странах по противодействию преступности.

В этой связи необходимо отметить, что уровни противодействия уголовным деяниям необходимо разрабатывать с учетом их классификации, на преступления, проступки и нарушения. В этом

плане, конечно, при определенной условности, можно сказать – должна быть своя криминология преступлений, криминология проступков и криминология нарушений.

При подготовке нового уголовного законодательства и в правоприменительной практике необходимо обратить серьезное внимание на проблему совершенствования законотворческого процесса. В этом плане представляет интерес практика Германии: первоначально парламентом принимается проект закона, который обсуждается в обществе, исправляется и действует (как проект) не менее 5 лет, после чего принимается в окончательной редакции как закон [2, с. 56] Именно подобная процедура законотворчества была осуществлена в Кыргызстане при подготовке и принятии нового Уголовного кодекса КР 2017 г. Законодатель установил два года для подготовки страны к вступлению кодексов и законов уголовно-правового цикла, т. е. с 1 января 2019 года. Только дополнить эту процедуру было бы желательно получением заключения конституционной палаты Верховного Суда КР о соответствии Конституции КР закона, принимаемого в окончательной редакции. Необходимо принимать во внимание, что юристы, управленцы, политологи по-разному видят и по-разному толкуют законотворческий процесс в стране.

В правоприменительной практике необходимо обратить серьезное внимание на повышение профилактического потенциала уголовно-правовых средств воздействия на уровень преступных деяний. Усиление профилактической функции уголовно-правовых мер не должно решаться в отрыве от их непосредственного воздействия на криминологическую обстановку. Примером может служить следующее. В условиях расцвета организованной преступности и коррупции и резкого повышения криминальной активности граждан нам кажется криминологически обоснованным изъятие такой меры воздействия, как ссылка и высылка из арсенала уголовно-правовых мер без адекватной их замены. В результате государство лишилось действенных инструментов пресечения межрегиональных преступных связей и миграции профессиональных преступников (кстати, именно в разрушении криминогенных связей заключается главное назначение данных мер как видов государственного принуждения). Это обуславливает необходимость рассмотрения их возвращения в Уголовный кодекс КР, но, видимо, уже в качестве мер безопасности.

Как известно, в советский период ссылка как вид наказания, не связанного с изоляцией от общества, применялась в отношении злостных преступников. Сейчас данные категории осужденных

подвергаются только лишению свободы. Думается это может привести к росту тюремного населения.

Ознакомление с новым УК КР 2019 г. позволяет убедиться в глубоком и тщательном учете их разработчиками реального состояния современной преступности. Представляется, однако, что некоторые решения не бесспорны. Так, из кодекса исключен институт рецидива (повторность преступлений, связанная с осуждением за ранее совершенное деяние). Нет в Уголовном кодексе категории повторности и судимости как квалифицирующих признаков отдельных преступлений. Вероятно, это веление времени, поскольку отношение к человеку, пусть и совершившему преступление, не должно носить характер вечной стигмы в виде судимости. Концепция реформирования предполагала, на наш взгляд, изменение отношения к лицам, ранее совершившим преступления, как к субъектам, которые уже понесли наказание и полностью реабилитированы перед обществом. Действительно, с точки зрения уголовного права ответственность лица должна наступать за конкретно совершенное деяние. В этой связи рецидив, как институт не получил правовой оценки в Кодексе. Бесспорно, что в данном случае речь идет о реализации принципа справедливости. Так справедливо, на наш взгляд, пишет Ж.А. Кегембаева, что с принципом справедливости связано и требование, имеющее вполне самостоятельное значение: нельзя наказывать дважды за одно и то же преступное деяние [3, с. 121]. Однако изучение личности рецидивиста, его морально-нравственных и жизненных установок необходимо с криминологических позиций в целях разработки социальных программ предупреждения рецидива. Одним из таких направлений является внедрение органа пробации, решающего проблемы предупреждения рецидива. Думается, именно в криминологии можно сформулировать определение личности рецидивиста, но с учетом современных реалий борьбы с данным явлением. Правовая оценка должна быть включена в виде обстоятельств, отягчающих ответственность при выборе наказания. Это и будет учет личности и рецидива. Отметим, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств установлена повышенная уголовная ответственность виновных за различные виды множественности преступлений, а личные свойства субъекта, по общему правилу, учитываются не в пределах санкции, а за ее пределами [4, с. 20].

Напомним историю вопроса. Так в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятыми Верховным Советом СССР 02.07.1991 г., выделялись такие виды множественности преступлений, как повторность, совокупность

и рецидив преступлений. В них уточнили понятие рецидива, определив, что рецидивистом может быть признан лишь тот, кто, будучи осужден за умышленное преступление, вновь совершает умышленное преступление (ч. 1 ст. 23). В них было сохранено понятие “особо опасный рецидивист”. В соответствии с ч. 23 Основ особо опасным рецидивистом в случаях, предусмотренных уголовными кодексами республик, по приговору суда могло быть признано лицо, имеющее судимость за умышленное преступление и вновь осуждаемое за умышленное преступление к лишению свободы на срок не менее пяти лет. Признание лица особо опасным рецидивистом имело значение для квалификации преступления, назначения наказания, порядка и условий его отбывания. Осужденный, признанный судом особо опасным рецидивистом, подвергался более строгому наказанию в пределах санкции соответствующей статьи Уголовного кодекса. Лишение свободы могло быть назначено такому лицу в случаях, предусмотренных законом, на срок до 15 лет. Для отбытия наказания особо опасные рецидивисты направлялись в места лишения свободы с наиболее строгим режимом – в тюрьмы или исправительные колонии особого режима. В соответствии с законом к лицам, признанным особо опасными рецидивистами, не могло применяться условно-досрочное освобождение и замена не отбытой части наказания более мягким. Согласно новому Кодексу, сохранился лишь пенитенциарный рецидив.

Криминологическое исследование преступности показывает рост специального рецидива, а также имеют место специализация и профессионализация преступной деятельности отдельных лиц. Теперь эти действия охватываются совокупностью преступлений и, в конечном итоге, складываются в зависимости от характера совершенного преступления в соответствующее наказание, которое может быть достаточно суровым.

Что касается повторности, неоднократности и промысла, то все три института правильно заменены на такой вид множественности, как совокупность преступлений. Именно через совокупность преступлений будет раскрываться содержание принципа индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Так, закон указывает, что при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания суд должен учитывать в том числе и личность виновного (ст. 7 УК КР 2017 г.).

Нормы и институты уголовного права должны реально обеспечивать реализацию принципа справедливости на базе последовательной дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания с учетом криминологической составляющей всей преступности в стране.

#### *Литература*

1. Кузнецова Н.Ф. Преступления и преступность: монография / Н.Ф. Кузнецова. М.: Юрлит., 1969. 268 с.
2. Мелешко Н.П. Уголовно-правовые системы зарубежных стран (криминалистические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательная и правоприменительная практика): монография / Н.П. Мелешко, Е.Г. Тарло. М.: Изд-во “Юрлитформ”, 2003. 189 с.
3. Кегембаева Ж.А. Проблемы реализации принципа справедливости при установлении уголовной ответственности за коррупционные преступления в Казахстане / Ж.А. Кегембаева // Вестник КPCУ. 2017. Т. 17. № 11.
4. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / И.Г. Волжанникова; отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2014. 112 с.